

✦ Профессиональное кредо

ИНТЕРВЬЮ С И.М. ХАКАМАДОЙ

Ирина!

Мы познакомились с Вами, когда Вы работали с Константином Натановичем Боровым. Это было весной 1992 г. Я брал у него интервью по проблемам биржевого дела для Института экономических стратегий, а Вы находились рядом и отвечали на некоторые вопросы. Если помните, Ваш офис тогда находился в Политехническом музее. Это был мой первый опыт работы в качестве редактора. А Вы уже к тому времени имели серьезный вес как консультант и менеджер в мире российского бизнеса.

Наша вторая встреча состоялась в Санкт-Петербурге на очередном форуме по гражданскому обществу, который состоялся в Санкт-Петербургском университете в 2002 г. Мы участвовали вместе с Вами в «круглом столе». Напротив нас находился Жириновский, который взял слово первым и построил свое выступление на полемике с Вами. Тогда Вы ушли очень быстро, и я не успел с Вами поговорить.

По истечении 14 лет мне удалось опять встретиться с Вами в третий раз. Теперь Вы — известный и всеми признанный публичный политик, имеющий большой опыт работы в Госдуме, партийном строительстве. Вас знают не только в России, но и за ее пределами.

Ирина! У Вас брали интервью многие журналисты. Я, Юрий Резник, — главный редактор научного журнала «Личность. Культура. Общество» и по вполне понятным причинам мне бы хотелось сузить тему нашей беседы. Я предлагаю обсудить сегодня тему: «И. Хакамада как исследователь в жизни и политике».

А теперь перейду к самим вопросам, которых у нас сегодня немало.

И.Х.: Я отвечу на любые вопросы.

Ю.Р.: Ирина! Вы — японка по отцу и русская по матери. Тем не менее согласно традиции носите фамилию своего отца, и я знаю, что отношение к ней у разных людей весьма неоднозначное. В своих книгах («Общее дело», «Особенности национального политика») Вы постоянно подчеркиваете, что Ваша фамилия редкая (и, пожалуй, единственная в России). На Вашем официальном сайте есть такие слова: «Я — Хакамада. Все мои переживания и порывы, достижения и провалы, поступки и мечты — все каким-то странным образом сконцентрировались в этом родовом имени, таком непривычном для русского духа».

И.Х.: Фамилия Хакамада родовая и в Японии.

Ю.Р.: Я вижу у Вас на столе листы с иероглифами. Вы сами рисуете?

И.Х.: Я каллиграфией занимаюсь. Вот этот иероглиф — Хакама (самурайские штаны), а этот Да (поле). Получается Хакамада.

Ю.Р.: А переводится как «самурайские штаны в поле».

И.Х.: Да, самурайские штаны в поле. Я научилась писать «Хакамада» иероглифами.

Ю.Р.: Вы чувствуете себя потомком японских самураев? И в чем это самощущение проявляется?

И.Х.: В детстве и юности я этого не чувствовала, но когда начала жить самостоятельной жизнью, то поняла, что смогу выживать и чего-то достигнуть только благодаря этому наследственному имени, в котором бесконечное терпение соединено с бесконечным следованием своему жизненному пути.

Ю.Р.: У Вас прекрасно получается и то, и другое, а это многого стоит. Поскольку я представляю научный журнал, то позвольте локализовать тему нашей беседы. Мы будем говорить сегодня преимущественно в рамках научной проблематики, поэтому главной темой интервью станет «И. Хакамада как исследователь в жизни и политике». Нам интересно, как вы пришли в науку. Что вас связывает вообще с наукой? И как сложилась Ваша научная судьба?

И.Х.: Большинство периодов в жизни женщины связаны с теми мужчинами, которые в этот момент рядом, и в науку я пришла с помощью Сергея Злобина. Тогда он был уже серьезным молодым ученым, закончил МГУ, я в это время поступила в аспирантуру. Я уже для себя решила, что буду заниматься наукой, и занималась ею достаточно успешно и быстро проходила институциональные ступени научной лестницы. Еще в студенческие годы я «влюбилась» в первый том «Капитала» К.Маркса. К.Маркс сумел гениально обобщить предшествующий научный опыт, соединить огромное количество теорий с философией Гегеля, он смог открыть те законы, которые работают до сих пор. Несмотря на сухой язык Маркса для меня это было так же увлекательно, как детектив, особенно развитие рынка доходов, включающее противоречие превращения стоимости в потребительскую стоимость. Сколько бы сегодня ни отрицали Маркса, в экономическом плане он оказался достаточно серьезным ученым. И я влюбилась.

Ю.Р.: Вы влюбились в Маркса?

И.Х.: Влюбилась в первый том «Капитала» Маркса, в его экономическую теорию, и преподаватели это заметили, поскольку я с легкостью объясняла теорию Маркса, сложную и малопонятную большинству студентов, в том числе и экономического факультета. Я занималась экономической теорией серьезно, и в результате поступила в аспирантуру. Примерно в это же время я встретила своего будущего супруга, который занимался теорией циклов в развитой капиталистической экономике, его интересовали теории семилетних экономических циклов, он спорил с Кондратьевым, изучал опыт

Великобритании и других развитых капиталистических стран. В то время меня очень интересовало, как стоимость товара «рабочая сила» отличается от любых других товаров, поскольку в структуре заработной платы заложены издержки не только на примитивное (материальное) воспроизводство человека, но и на воспроизводство его духовных потребностей. Я попробовала проанализировать, что происходит с рынком, как модифицируется стоимость рабочей силы в процессе взаимодействия государства, профсоюзов и монополий. Результатом этой работы, дополняемой научным общением с молодыми специалистами, стала кандидатская диссертация. Её пытались закрыть, не допустить к защите, поскольку данные об уровне жизни на западе, о том, насколько социальная составляющая увеличивает уровень заработной платы, считались тогда крамольными, официальная пропаганда твердила, что там люди труда умирают от голода, а в СССР трудящиеся процветают.

Ю.Р.: Вообще Запад по-прежнему «загнивает», а мы никак не можем достичь точки развития, за которой начинается это загнивание.

И.Х.: Это точно. Почти чудом в самый последний момент защиту открыли, диссертацию я защитила, потом получила звание доцента, преподавала и думала дальше продолжать преподавательскую работу. Но жизнь внесла в эти планы свои коррективы, нищета задавила полностью, в материальном плане жить было трудно — мы были очень молодыми, но у нас уже было двое детей. Материальные проблемы дополнялись тогда и идеологическим давлением на преподавателей политэкономии со стороны КПСС, её райкомов и парткомов. Меня они не трогали, потому что я работала в рабочем вузе, студенты взрослые, они уже знали, что такое жизнь, и занимались своими делами, а не писали доносы. Но общая ситуация была тяжёлой, многих моих друзей, в том числе выпускников МГУ, увольняли из различных вузов, в том числе за стремление полно, без купюр рассматривать творчество Ф.М. Достоевского. В советской системе высшего образования творчески подойти к осмыслению экономических процессов было трудно. И как только при М.С. Горбачеве вышел закон о кооперации, я стала совмещать преподавательскую работу с работой в частном кооперативе, который мы создали с К.Н. Боровым.

Ю.Р.: То есть первым на пути к новой жизни был кооператив. Но, возвращаясь к Вашей научной деятельности того времени, — кто были Вашими учителями, кроме Маркса, разумеется. Что Вы брали в своих исследованиях за основу: чьи работы, мысли, идеи? Кто был Вашим учителем (учителями) в годы учебы в университете и аспирантуре?

И.Х.: В те годы фундаментальные исследования рынка рабочей силы существовали преимущественно на западе. Конечно, у нас занимался этими проблемами мой научный руководитель, профессор МГУ В.В. Радаев. Но в СССР эта проблематика по настоящему ещё разработана не была, и я была вынуждена самостоятельно, вне устоявшейся отечественной научной традиции, работать над проблематикой, соединяя теории циклов и теории Маркса

в отношении развитого рынка рабочей силы. Работала я, опираясь на западных авторов, на научную литературу, изданную на западе, проработала массив книг французских авторов, доступных тогда в «закрытых» фондах ИНИОН РАН, огромные объемы статистики. Мы подписывали специальное разрешение на допуск к иностранной литературе и работали.

Ю.Р.: Ирина, по своей научной подготовке Вы считаете себя экономистом?

И.Х.: Моё главное образование экономическое, точнее, макроэкономическое. В то же время образование, полученное в советский период, сейчас уже не совсем адекватно новому этапу развития российской экономики.

Ю.Р.: Как складывалась Ваша дальнейшая судьба? Вы ушли в бизнес?

И.Х.: Да.

Ю.Р.: Вот какие там этапы можно выделить, главные для Вас?

И.Х.: Началось всё с мелких кооперативов, мы продавали компьютеры.

Ю.Р.: А как Вы с К.Н. Боровым познакомились?

И.Х.: Мы были знакомы давно, до того, как уйти в бизнес, мы вместе бедствовали семьями, помогали друг другу. На каком-то этапе оба пришли к выводу, что надо что-то делать, и мы стали искать и предлагать разные варианты нашего вхождения в рынок. Вначале это были кооперативы, потом качественная роль в создании первых товарно-сырьевых бирж, потом финансовых групп. Но этот период моей жизни не сильно затянулся, я ушла, потому что мой академический склад ума, настрой на серьезное обобщение макроэкономических тенденций — я ведь была макроэкономистом — не соответствовали тогдашним законам ведения бизнеса. Были и другие причины — если вы каждый раз, когда пытаетесь заключить экономический договор, готовы променять это время на то, чтобы пойти в театр, это уже плохо. Естественно, плохо для бизнеса. Значит, для вас бизнес просто способ, метод материального обеспечения жизни. Но когда бизнес только способ выживания, а не философия, это осложняет ваш путь в бизнесе, поскольку частное предпринимательство требует очень много времени и творческого подхода. Когда вы постоянно думаете о макротенденциях, куда развивается общество, что происходит с экономикой, что происходит с политическими структурами, то это далеко выходит за рамки конкретного бизнеса. Это мое внутреннее раздвоение привело к тому, что я сделала выбор в пользу политики, ушла с головой в политику. В политику я пришла не с пустыми руками, обладая опытом бизнесмена, зная, что это такое, и обладая опытом научной и преподавательской работы.

Ю.Р.: Это хорошее сочетание.

И.Х.: Да.

Ю.Р.: Следование жизненному пути привело Вас в политику. Какой он, Ваш путь в политике?

И.Х.: Путь развития страны. Идти можно по накатанному пути, исходя из традиции или менталитета большинства людей и менталитета элиты, мож-

но чуть привносить свою роль, но все равно идти вот по этой линии, этой асфальтовой дорожке. Строить византийское по своим культурным основаниям, с рыночными элементами, общество. А можно бросить вызов и сказать, что мы свободные люди, спросить себя, чем мы хуже Европы? Мы можем жить так же прилично и нормально. Часто считается, что все это невозможно для России. Я считаю, что все это возможно, меня называют романтиком, но это называется прокладывать путь. В политике можно выбрать дорогу асфальтированную, можно тропинку, а можно прокладывать путь. Моя политическая судьба связана с тем, что я выбрала самый тяжелый вариант — прокладывать путь. Это очень тяжело.

Ю.Р.: В политике Вы начинали с создания Партии экономической свободы?

И.Х.: Да, вначале около года мы с К.Н. Боровым создавали партию экономической свободы, потом решили участвовать в федеральных выборах 1993 года. Я помогала как могла, но в то же время была уверена, что все мы люди в политике неопытные и ничего из этого не будет, мы не сумеем собрать нужное количество подписей. Так оно и вышло, и я предложила Боровому идти на выборы по отдельным округам. Он подошел к этому очень формально, сказав, что это уже не имеет значения, не надо никуда рваться, не получилось — не страшно, у нас еще много впереди времени. Я полагала, что если идти в политику, то всерьез, необходимо использовать шанс свободных выборов, я чувствовала, что дальше будет сложнее. Потому что первое поколение независимых людей проскочило в 1993 году, дальше это становилось только сложнее. К.Н. Боровой проиграл выборы по своему округу, я их выиграла по своему, а потом у нас начался конфликт по поводу отношения к политике Бориса Николаевича Ельцина. Боровой стал в оппозицию к Ельцину, а я считала, что надо Ельцина поддерживать, плох он или хорош, но все-таки он несет с собой модернизацию страны. И по идеологическим основаниям мы разошлись.

Ю.Р.: Ирина, в книге «Общее дело» Вы писали: «Убеждена: политику должны делать люди честные, нравственно здоровые и добрые, тогда она тоже будет доброй, здоровой, обращенной к людям». Извините за прямой вопрос, но в какой мере Вы себя относите к таким людям? И что все-таки Вас как политика Хакамаду отличает?

И.Х.: Я не хочу сама себе говорить комплименты. Если я скажу, что не обладаю всеми этими качествами, — это будет глупо. Если я скажу, что обладаю, то это не совсем адекватно по отношению к самой себе. Окружающим людям проще и естественнее судить, чем я обладаю, а чем нет.

Ю.Р.: А в чём Вы сильны и своеобразны как политик?

И.Х.: Как в свое время сказал А. Проханов: «Ира, Вы, с одной стороны, великий политик, а с другой стороны — вообще не политик». Сегодня у нас политик ставит себе главную цель — обретение власти. А политик, ставящий себе целью изменение общества, в котором личность начнет делать свобод-

ный выбор, подавая пример другим и вытягивать людей за собой, — это не совсем политик, особенно в России. И в этом плане заключается моё второе главное отличие, связанное с тем, что я в политике не ставлю целью сделать личную карьеру, я никогда не предаю свои ценности ради того, чтобы получить какой-либо пост. Моя сегодняшняя ситуация именно это и доказывает, потому что если бы в свое время я сказала, что со всем согласна и буду молчать, то давно бы сидела в министерстве, меня пристроили бы, даже после проигрыша на выборах 2003 г. Предполагалось, что все, кто этого хотят, будут пристроены. Я отказалась, наоборот, пошла на президентские выборы. Этим я и отличаюсь.

Ю.Р.: Я бы хотел обратиться к вашему программному «Манифесту свободного человека» от 30 октября 2005 г., в котором сформулированы простые и ясные принципы и требования к власти, с большинством которых может согласиться каждый уважающий себя человек. Свободный человек, свободная личность, это лейтмотив всей Вашей политической деятельности. В какой мере это сочетается с принципами коллективности, общинности, которые в каких-то аспектах присутствуют в российской культуре?

И.Х.: Это сочетается благодаря главному принципу — добровольности. Свободная личность добровольно объединяется в гражданском обществе, создаёт любые структуры, в том числе и общинного типа, здесь возможен даже добровольный отказ от использования плодов цивилизации. Мы знаем, что такие группы есть и в Канаде, и в Америке, у нас они тоже есть. Они объединяются добровольно, без всякого насилия, потому что когда коллективность побеждает индивидуализм в силу давления со стороны государства, идеологического, традиционного, тогда организацию подменяет формализм, тогда человек теряет свой личный выбор, а значит, теряет свободу, теряет себя как личность. По принуждению ничего нельзя делать.

Ю.Р.: На учредительном съезде партии «Наш выбор» Вы заявили о том, что новая партия будет иметь социально-либеральную направленность и ориентироваться на защиту традиционных ценностей и социальных прав граждан. Вы пишете: «Нам необходим либерализм с человеческим лицом, когда общество наминает себе власть для обеспечения своей достойной жизни». Значит ли это, что Вы отошли от исходных принципов либерализма и пытаетесь заимствовать некоторые идейные принципы социал-демократии, социально ориентированных концепций?

И.Х.: Давайте разберемся в терминах. Либерализм — это абсолютная теория, абсолютно абстрактная. В чистом виде либерализм как структура экономики и политический режим не существует ни в одной стране. Есть либеральные принципы построения экономики и построения политических институтов, то есть соотношения общества и государства, соотношения личности и власти, соотношение одного экономического субъекта с другими экономическими субъектами. Дальше, как у Эрхарда, мы помним, что в после-

военной Германии по его модели была выстроена модернизация, так и в США, и в Японии, есть огромные трансформации ведущих положений либерализма. Но главное, верный выбранный путь. Поэтому то, что пережила Россия с 1991 по 2000 г., не было следствием проводимой либеральной политики, эта политика была рыночно-большевистская. Проведение реформ без включения в них человека, без уважения человеческой личности — большая ошибка.

Ю.Р.: С этим я полностью согласен.

И.Х.: Меня могут обвинять, что я тоже в этом участвовала. Но я как могла занималась малым бизнесом в правительстве и всегда отстаивала маленького человека. Я не формировала политику правительства, не была ни премьер-министром, ни президентом, не работала в администрации президента. Мало того, я фактически не вошла в «Выбор России» из-за этих концептуальных расхождений ни в 1993, ни в 1995 г. И только после отставки всего кабинета министров в 1999 г., когда Г.А. Явлинский сам отказался со мной сотрудничать, тогда я нашла хоть какой-то вариант для того, чтобы продолжать работать. Я всегда говорила о том, что демократам нужно исправлять ошибки, не бояться исправлять. Признавать — да, это были ошибки, возвращать доверие людей, причем исправлять их не только на словах, но и на деле. В частности, нужно разработать профессиональный механизм возврата денег, потерянных в 1991 г., сделать легитимной собственностью. Именно потому, что сегодня собственность по-прежнему нелегитимна, власть использует настроения людей для того, чтобы забрать собственность у одних, украсть у других. Все эти действия власть подаёт обществу как законные, хотя это вызывает большие сомнения.

Нужно было узаконить в стране собственность, нужно было заплатить людям часть той ренты, которую они должны были получать от природных ресурсов, установить срок давности по приватизационным сделкам, например, три года. После этого надо было начинать все заново и больше не заниматься перераспределением, криминальным перераспределением собственности. В сегодняшнем режиме произошло все наоборот, собственность не стала легитимной, ее нелегитимностью воспользовались для дальнейшего криминального передела. Ведь если даже решили национализировать ресурсные предприятия, для того чтобы они работали на благо простых людей, то национализацией это назвать нельзя. Национализация должна быть открытая, прозрачная, комплексная. Ну а что происходит сейчас? Одни попали в тюрьму, другим досталось все, причем формально всем рулит государство, а реально у руля частные собственники. В общем, ничего не понятно, система неуправляема.

Плюс, конечно, введение легализации института приемника, когда общество не понимает, что происходит, с помощью манипуляции средствами массовой информации. Вспомним, как это было в 1996 г., когда, испугавшись коммунистов, они отошли от демократических принципов, а потом

сами получили по голове, так всегда бывает — если обманул, то это зло обязательно вернется. Те, кто пестовали эту систему ради самосохранения, теперь за границей, в Лондоне, или сидят здесь тихо в золотых клетках.

Ю.Р.: Нашим читателям интересно знать Ваше представление о ближайшем будущем России, два года, до выборов, чуть позже. Как Вы видите развитие политической ситуации?

И.Х.: Ничего принципиально нового не будет. Вы знаете, хотя сложившаяся система неэффективна, но в стране очень много денег. Совершаемые властью ошибки не приводят к катастрофе потому, что все замазывается большим масляным пирогом. Людям не дают реально качественно изменить образ жизни, но чуть подкармливают. Институт губернаторства убили, но с другой стороны, почти всех губернаторов переназначили, и протеста сильного не было. Эта система идет вперед не только при помощи денег, но и при помощи создания атмосферы страха. Эта атмосфера воспроизводится затем в России на нижние уровни с большой скоростью.

Ю.Р.: Обратите внимание, народ сегодня стал поглядывать на «товарища майора», ведь этого же не было лет двадцать. Вдруг опять возникает такое ощущение, что за тобой кто-то следит.

И.Х.: Да, конечно. Вновь появилась самоцензура у журналистов, самоцензура у предпринимателей... На всякий случай бояться уже всего, они чувствуют, что сегодня быть в оппозиции уже страшно.

Ю.Р.: То есть Вас уже записали в эту оппозицию, и теперь многие от Вас шарахаются.

И.Х.: Да, теперь шарахаются со всех сторон, офис, например, очень трудно снять.

Ю.Р.: То есть даже такие элементарные вещи. Ирина, нас с Вами роднит идея гражданского общества, не случайно мы тогда встретились. Скажите, пожалуйста, что для Вас гражданское общество. И возможно ли оно в России в сегодняшней ситуации и в ближайшей перспективе?

И.Х.: Реально для меня гражданское общество — это самоорганизация общества без участия государства, стремящегося осознать себя в качестве субъекта по формированию основных решений в стране.

Ю.Р.: В том числе и по осуществлению контроля?

И.Х.: Да. Но это и есть формирование гражданского общества. Если я субъект политики, значит, я веду диалог с властью, чтобы продвинуть интересы тех людей, которые объединились, я не политик, и не борюсь за власть. Я веду диалог с властью и лоббирую прозрачно интересы людей. И второе: я контролирую. Эти две составляющие означают, что гражданская организация объединяет людей, которые уже осознают себя в качестве субъектов формирования политики, политической системы в стране и влияния на власть.

Ю.Р.: В том числе и настоящие партии? Я специально делаю акцент на настоящих, потому что то, что у нас творится, не поддается анализу.

И.Х.: Все настоящие, которые пытаются быть настоящими, лишаются всякого ресурса, прежде всего доступа к средствам массовой информации, и подвергаются давлению. А ненастоящие «партии» процветают.

Ю.Р.: А как Вы относитесь к Общественной палате, которая якобы должна быть провозвестником гражданского общества?

И.Х.: Вся история России это история о том, как интеллигенция выстраивается под власть... Это же унижение всех. В том числе и членов Общественной палаты, потому что статус вроде бы есть, но он непонятен, неконституционен.

Ю.Р.: А как Вам представляется сам процесс выдвижения людей в эту палату?

И.Х.: Да. Выдвижение же идет по квоте сверху вниз. Это унижает и парламент, потому что, оказывается, парламент не связан с народом, хотя он и избран народом. Это все «потемкинские деревни», недаром последнее решение Законодательного собрания Санкт-Петербурга отвергло идею создания местной общественной палаты. Они понимают, что в случае ее создания пострадает их собственная легитимность.

Ю.Р.: Еще такой вопрос. С гражданским обществом «ясно». Но как быть со средним классом, что-то происходит, он появляется, или он тоже задушен?

И.Х.: Нет, он растет, потому что есть закон экономики. Какие бы ни были невыносимые условия, если вся экономика растет, взбухает, то взбухает косвенно все. Данные хорошие, начинает расти оборот малых предприятий, начинает расти их количество, расширяется на рынке предложение русского программного обеспечения, которое может конкурировать с другими программными продуктами. Растет количество пользователей Интернета. Другое дело, что если взять соотношение всего этого в соотношении с монополизированным, полугосударственным, коррумпированным сектором, куда уходят основные прибыли — нефть, газ, черная металлургия, рынок недвижимости, земля и т.д., то понятно, что соотношение не в пользу среднего класса.

Ю.Р.: Вернемся теперь к проблемам российской науки. Скажите, пожалуйста, каково Ваше отношение к тому, что происходит сегодня в отечественной науке, в частности в Российской академии наук. Вы знаете, что многие политики стали уже членами Академии либо профессорами, докторами наук. Как Вы на все это смотрите? Возможна сегодня реальная реформа Академии наук и сохранение лучших научных традиций, или нет?

И.Х.: Мне кажется, что наука в России на глазах начинает умирать, прекращать свое существование. Она еще существует как прикладная наука, в микроскопических количествах работающая на какие-то крупнейшие предприятия. И то все важнейшие разработки быстро скупаются представителями западных компаний, а мы потом покупаем созданные на их основе технологии и оборудование. А что касается фундаментальной науки, то она погибает. Причем это касается не только крупных ученых. Я разговаривала

с преподавателями биофака МГУ, там, где готовят специалистов в области растительного мира, изучают генетические коды, исследовав которые можно бороться с современными болезнями. Состояние опытных биологических станций, куда они выезжают, удручает, они были созданы ещё в 50–60-е гг. прошлого века и сегодня как-то существуют за счет энтузиазма отдельных преподавателей. Я была на этих базах. Или, например, на биофаке МГУ нет каталогов по тропическим растениям, которые изучают студенты.

А в Санкт-Петербурге я встретила наших российских ученых, которые изучают вулканическую активность земли. Они работают по американским программам, результаты исследований принадлежат американцам. Они получают очень маленькую зарплату, практически работая за то, чтобы их там кормили, и за то, чтобы видеть объект своего исследования. Российский ученый не может жить без объекта, который исследует. И он готов работать практически бесплатно на чужую страну, потому что иначе он вообще не увидит объект своего исследования.

Ю.Р.: А чем Вы объясняете тяготение наших российских политиков к статусным академическим постам, званиям?

И.Х.: Это вообще дискредитация, не знаю, кто этим занимается, но я бы на месте руководства Российской академии наук прекратила эту практику. Эти написанные на заказ докторские диссертации, академики «общественных» академий наук, сами общественные «академии» без традиций — всё это скорее бизнес, торговля от науки. Это все ужасно. Ко мне приходили с такими предложениями, я отказалась. Визитеры удивились: «Как, Вы не хотите стать членом Академии естественных наук?» Это просто ужасно, зачем? Если бы я захотела сделать научную карьеру, я бы тогда занималась наукой, открыла бы что-нибудь, и если бы я смогла открыть, то в этом случае, возможно, когда-нибудь заслужила бы звание академика. Кому нужна профанация науки и научных институтов — народу? А оказывается, многие люди с радостью подобные предложения принимают.

Ю.Р.: Это что, болезнь?

И.Х.: Это честолюбие, болезненное какое-то.

Ю.Р.: Но Вы ведь тоже человек честолюбивый, человек, который любит себя, любит свободу. Вы же не можете сказать, что Вы не честолюбивы? Тем не менее, у Вас есть какой-то внутренний стержень, собственный критерий, позволяющий отделять настоящее от ненастоящего.

И.Х.: Я всегда разделяю гордость и гордыню. Я очень гордый человек и не позволяю никому унижать мое человеческое достоинство.

Ю.Р.: Вы всегда тонко чувствуете унижение собственного достоинства?

И.Х.: Да, и буду всегда бороться за то, что бы не оскорбляли и другое человеческое достоинство. Вот если бы я взяла звание академика Академии естественных наук, то это унизило бы меня.

Ю.Р.: И человеческое достоинство тех, кто там по-настоящему работает.

И.Х.: Тех, кто там работает, и мое личное. Потому что зачем меня так дешево покупать?

Ю.Р.: Скажите, Ирина, Вы сочетаете в себе самурайские корни, с одной стороны а, с другой стороны, рациональный и трезвый ум, свойственный западным интеллектуалам. Вас очень многие любят, любят Ваш стиль, проявляющейся во всем — в выступлениях, текстах, манере поведения. Вы можете сказать, хотя бы вкратце, в чем состоит Ваша «философия жизни»?

И.Х.: Я об этом говорила, и в последней книге, хотя у нее такое название провоцирующее «Сех в большой политике», но сех по-английски — пол. Там многое изложено в популярной форме, потому что невозможно ничего в России дальше сделать в виде некоей модернизации сверху. Народ должен формировать свою повестку дня, модернизация должна идти снизу.

Ю.Р.: А почему Ваша книга так называется — «Сех в большой политике»?

И.Х.: «Сех в большой политике» — чтобы покупали. Сех в переводе с английского — пол, то есть речь идет о женском поле (гендере) в большой мужской политике. И там все изложено в очень простой форме.

Ю.Р.: То есть и заглавие, и манера изложения направлены на привлечение внимания читателя.

И.Х.: Да, книга ориентирована не только на умную аудиторию, но и на массу людей, поэтому форма изложения легкая, смешная, ироничная, доступная. Пора уже честным людям в политике начинать разговаривать с обществом и переделывать свой язык для того, чтобы наконец-то услышала не узкая группа интеллигенции, которая может согласиться или нет. А чтобы не давать власти манипулировать массами людей, для этого надо к ним обращаться, говорить на их языке. По большому счету, эта книга о том, как выживать свободному человеку, в том числе и в политике.

Ю.Р.: А трудно быть женщиной в политике?

И.Х.: Да. Так вот мое кредо и выросло из всего этого. Первое — никогда ничего не проси. Это очень важно — никогда ничего не просить. Нужно жить так, чтобы сами все принесли. У сильных, тех, кто сильнее тебя, никогда ничего не просить, потому что тогда точно станешь их рабом. И второй тезис, то, что помогает мне жить — это японское наследие. Это очень трудно понимают люди европейской культуры, а восточные люди понимают сразу. Стремясь к своей цели, делая все, чтобы ее достигнуть — вы должны одновременно быть к ней абсолютно равнодушны. Образно говоря, самурай, который идет на смертный бой, чтобы его выиграть, должен уметь умереть заранее.

Ю.Р.: Наверное, отсутствие этого качества у многих русских людей порой их просто губит: они не умеют скрывать свои чувства, они проявляют свои желания, интерес, их сразу видно.

И.Х.: А если потом ничего не получается, то это очень большая проблема для них. Если вы ставите эту цель главной, и во имя ее достижения вы готовы отказаться от себя, своих увлечений, своих близких, от своих любимых книг,

от своей порядочности, если вы переступите через себя, как в сталинские времена, тогда многие пытались переступить, то тогда в конечном счете погибает личность. Поэтому главный принцип здесь — любить себя и свою свободу. Невозможно любить других, не любя себя. И третий принцип — очень важный для человека. Надо всегда помнить, что цивилизация человеческая, она не главная на Земле. Есть другие миры. И эти миры живут своей собственной жизнью. Они более масштабные. Если вы встанете рядом с вулканом, которому сто тысяч лет, представляете, сколько вулкан всего видел за это время на Земле. Человеку помогает переживать любые неприятности то, что он соизмеряет свою жизнь с другими видами живых существ, птицами, флорой и фауной, которая живет на далеких островах своей жизнью, и вулканов, которые пыхтят миллионы лет и все видели, с океанскими волнами, цунами, разрушающими человеческие постройки, когда строили, а раз — и все. Кажется, что все это несколько абстрактно в отношении повседневной человеческой жизни, но если в голове это удерживать, то легче реагировать на всяких Рогозиных.

Ю.Р.: А в какой мере Вам это удается?

И.Х.: Мне удается не всегда. Но, во-первых, художественная литература помогает, во-вторых, нужно пытаться путешествовать, выезжать. В России очень много разных экспедиций.

Ю.Р.: А Вы иногда выезжаете?

И.Х.: Да, мне удается.

Ю.Р.: Скажите, а что Вам дает силы? Вы — свободный, сейчас очень популярный на телевидении человек. Умеете убеждать как мужчин, так женщин, работающих в политике, в том числе тех, кто достаточно хорошо и аргументировано может сам отстаивать свои убеждения. Что Вам дает силы вести с ними спор?

И.Х.: Я уже сказала, что мне помогают эти принципы. В книге я это описала, я делюсь с другими людьми, я не держу это в секрете, пожалуйста, я все описала. В джунглях, поскольку тропические леса многоуровневые, там не растут два дерева рядом одинаковых, там не растут два дерева одинаковой высоты, они многоуровневые, и там очень много планирующих животных. Там все летают. Лягушки там тоже летают. В джунглях живет такая лягушка красного цвета. Если вы её поймаете, посадите себе на ладонь, она смотрит на вас своими изумрудными глазами, потом раз, лапки раскрыла и, планируя, улетает с вашей руки. И у вас в голове только остаются ее изумрудные огромные глаза из другого мира. Если это увидеть один раз, то потом эти глаза останутся у вас в памяти, и когда политический оппонент поливает вас грязью, в этот момент вы смотрите на него глазами этой лягушки, и все пролетает мимо. К вам как к свободному человеку всегда придут идеи, слова и силы все это преодолеть.

Ю.Р.: Ирина, Вас не смущает, что сейчас, в этой ситуации, Вы все больше и больше отдаляетесь от «большой» политики?

И.Х.: Наверное, это моя судьба, значит, я свое дело как могла, сделала в этой области, и там мне уже не место как честному человеку. Значит, надо уходить в другую сферу. Писать книги, снимать кино, разговаривать с людьми, делать все возможное, чтобы коммуницировать с ними, передавать им свой опыт.

Ю.Р.: *А что происходит сегодня с политикой в России?*

И.Х.: Сегодня политики, наверное, нет в России.

Ю.Р.: *Нет, к сожалению. Но не будем на этой грустной ноте заканчивать интервью. Я бы хотел передать Вам дружеский привет от разных людей, представителей академических и неакадемических кругов, и даже от близких мне людей, которые с удовольствием за Вами наблюдают и Вас любят. Вы и Ваш образ уже давно стали частью публичной жизни России, и Ваши блестящие ответы, Ваши острые вопросы, и даже Ваша ирония. Приятно во всем наблюдать умную женщину, красивую, и я знаю, что у Вас много поклонниц и среди женского пола.*

И.Х.: Спасибо.

Ю.Р.: *Скажите, каковы Ваши ближайшие планы на общественном поприще?*

И.Х.: Мы будем инициировать, мы создали Фонд социальной солидарности «Наш выбор», и тут вы могли бы очень здорово помочь. В этом фонде будем пробовать сделать то, что не делает власть. Вот смотрите. Что-то готовится в сфере ЖКХ, но никто ничего толком не понимает. Что-то готовится в области реформы здравоохранения. Никто не понимает.

Ю.Р.: *То есть возможны ли альтернативные проекты?*

И.Х.: Нет, но с обществом практически ничего не обсуждается, раз — и сразу закон. Это была, конечно, ошибка демократов. А что если нам, совместными усилиями, в рамках этого фонда проводить конференции, приглашать прессу, брать какой-то материал, и простым языком доносить до общества, что предполагается, и выслушивать ответные отклики, в том числе в академических кругах. То есть поднимать волну, вместо власти начинать диалог с обществом.

Ю.Р.: *Теперь мне остается только поблагодарить Вас за интервью. Огромное Вам спасибо за интересную и содержательную встречу.*

Интервью состоялось 16 марта 2006г. В беседе принимал участие С.Н Гавров.